

Е. Н. Юркевич

ЛОГИКА КАК НАУКА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА В ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 2004 году философская общественность Харькова и всей Украины празднует 200-летие образования Харьковского университета, одного из старейших университетов страны. История открытия Харьковского университета неразрывно связана с деятельностью профессорского-преподавательского состава философского факультета, который был восстановлен в наше время в 2001 году. И, согласно европейской традиции образования, в ряду философских дисциплин доминирующее положение всегда занимали история философии, логика и этика. Работу философа как учёного и преподавателя всегда отличал непрекращающийся диалог с историей, предшествующей традицией философствования и преподавания философских дисциплин. Особенно этот интерес обостряется в юбилейный период, когда историческая память принуждает к углублённому изучению истоков, осмыслению того пути, который пройден предшествующими поколениями и который вызвал к жизни ту ситуацию в философии, которую мы сегодня переживаем.

Целью нашего исследования является изучение основных научных логических трудов представителей харьковской философской школы и значения дисциплины логики в философском образовании украинской интеллигенции в истории Харьковского университета.

Родоначальником харьковской университетской философской традиции [4; 34] является немецкий философ *Иоганн Баптист (Иван Егорович) Шад*, который работал в должности профессора в Харьковском университете с 1804 по 1817 годы. По воспоминаниям Д. И. Багалея, Шад был «человек большого и самостоятельного ума» [1; 52]. «Он воспитывался на выдающихся образцах классической

литературы и прекрасно владел стилем как своего родного немецкого, так равно и латинского языка. К этим внешним данным изложения присоединялась ещё несокрушимая логика его ясного светлого ума и страстное воодушевление предметом изложения, который был ему чрезвычайно дорог, составлял частицу его собственного «я»» [1;50].

Ещё в юношестве в монастыре он занимался музыкой (играл на виолончели) и латинским языком. А с тонкостями схоластической логики и диалектики он познакомился в семинарии. По словам Шада, в семинарии упражняли память в ущерб развитию ума: изучали синтаксис в латыни, а не классическую мудрость. В монастыре, где он пробыл 21 год, его учили, что всякое проявление собственного ума и собственной воли есть грех. Но именно «с этого времени чтение классиков и музыка сделались любимыми занятиями Шада» [7; 4]. В юности он мечтал стать святым и учёным.

Логике Шад отводил центральное место в своих работах. Логика была пронизана идеей свободы в европейском её понимании. Он считал, что сущность, цель и дух его философии и всех его занятий нашли своё объяснение в работе «*О свободе человеческой способности мыслить*», которая была написана с дозволения философского факультета Харьковского университета по случаю производства одного из магистров факультета в доктора: «в действиях человеческой способности мыслить владычествует свобода» [2; 103]. В Харькове Шад также издал большой труд «*Чистая и прикладная логика*» (*I. Schad. Institutiones philosophiae universae. Tomus I. Logicam puram et applicatam complectens, Charkoviae, 1812*).

Когда с 1812-го года в Российской империи в годы царствования императора Александра I началось гонение против всего иностранного, это обернулось реакцией в области высшего образования. Министерством Народного Просвещения в лице графа

А. К. Разумовского, которое проводило политику репрессий, в 1815 году было предложено Совету Харьковского университета «возводить в адъюнкты только одних русских учёных, но отнюдь не иностранцев, чтобы таким образом все кафедры перешли к русским преподавателям». [1; 41] Это обострило отношения между русскими и иностранными профессорами в Харьковском университете. В 1816 году по доносу проф. И. Б. Шад был лишён профессорской должности и выслан из Харькова.

Следует также отметить, что подобная участь постигла не только Шада. По воспоминаниям Д. И. Багалея, когда в 1817 году министерство народного просвещения было преобразовано в министерство духовных дел и народного просвещения и при нём учреждён учёный комитет, в обязанности которого входило «рассмотрение книг в духе спасительного согласия между верою, знанием и властью» [2; 144], этим комитетом были осуждены некоторые книги известных философов России, в том числе и *«Логические наставления» Петра Лодия*. Багалея называет эту акцию «походом против естественного права и наук», в число которых попала и логика.

Пётр Лодий в те годы был ординарным профессором, доктором словесных искусств и философии Санкт-Петербургского института, коллежский советник. В 1815 году им были опубликованы *«Логические наставления»*, предназначенные для студентов педагогического института. Это был учебник, состоящий из двух разделов. В первом разделе излагалась теоретическая часть логики, в которую включалось введение в философию (так как логика рассматривалась как пропедевтика к философии), краткая история философских систем (философия древней Греции, средних веков, Нового времени, английская и немецкая философии). Затем излагалась собственно логика, куда включались: предмет и значение, история логических учений, рассмотрение логики в ряду человеческих способностей (желания,

внимания, понимания, рассуждения, памяти и т. д.), понятие семиотики, логика понятий, суждений и теория силлогизмов. Во втором разделе рассматривается «правильное употребление разумения». Под таким употреблением понимается теория доказательства и истины, а также всеобщая методология. Во всеобщую методологию, в свою очередь, включаются такие вопросы: понятие о методе и методологии, способы научного анализа понятий, герменевтика (о чтении и толковании книг) и основы риторики (передача собственных знаний другим). Именно эта книга доносчиком (попечителем Казанского учебного округа Магницким) характеризовалась как «исполненная наиболее небезопасных по своей нечестивости разрушающих начал» [13; 134].

Сочинения И. Б. Шада о естественном праве, так же точно как и его «Логика», представляли собой не столько учебник, сколько научный трактат, изложенный в форме систематического курса. Он несколько раз устно излагался студентам, а затем был напечатан [2; 146]. Об этом писал не только Багaley, но и Ф. А. Зеленогорский. В отличие от раннего шелленгианства, в логике и автобиографии (которая была написана самим Шадом) есть серьёзная претензия на самостоятельную попытку философствования. По словам Зеленогорского, в предисловии к своей логике, изданной в 1812 году, он (Шад) говорит: «в чистой логике я не мог следовать никакому руководителю (*nullum ducem sequi potui*); мне нужно было проложить совершенно новый путь, опираясь единственно на собственные идеи (*mihi, solis meis ideis innixo, nova prorsus via erat pergruenda*)». Так как, по его убеждению, составившемуся у него, как сам он говорит, после чтения и разбора главнейших философов всех веков, «причиною разногласий и споров между философами служит превратное истолкование логики и её законов, то он своим опытом новой логики желал оказать добрую услугу не одной только логике, но и всей

философии (non solum de logica sed etiam de universa philosophia bene mereri)» [7; 162].

Гонения на Шада также непосредственно связано с его трудом по логике. Шада обвинили в том, что его ученик Гриневич в своей диссертации дословно изложил идеи Шада из неизданных записей, и эти же мысли повторялись в труде Шада по логике.

Будучи выслан обратно в Германию без содержания, он на родине написал ещё одну работу – «*Transcendentale Logik*». Видимо, в значительной степени благодаря идеям, изложенным в этой работе, в современной ФРГ И. Б. Шада относят к представителям трансцендентальной философии.

Необходимо отметить, что у истоков Харьковского университета мы обнаруживаем логические исследования не только представителей философского факультета. **Иван Степанович Рижский**, первый ректор Харьковского университета, имел широкий круг научных интересов. И, хотя главной сферой его научных исследований была лингвистика, в число его фундаментальных работ входит также работа «*Умословие или умственная философия*», посвящённая проблемам теории познания и логики. Особое внимание в ней уделяется формам мышления и индукции [13; 126]. Профессор **Тимофей Фёдорович Осиповский**, который заведовал кафедрой математики, а с 1813 по 1820 г.г. был ректором Харьковского университета, в 1805 году перевёл на русский язык «*Логикю*» французского мыслителя Е. Кондильяка [13; 195].

Значительный вклад в историю развития логики в Харьковском университете внёс **Павел Эмилиевич Лейкфельд**. Будучи в должности приват-доцента Харьковского Императорского Университета, Павел Эмилиевич Лейкфельд защитил магистерскую диссертацию «*Различные направления в логике и основные задачи этой науки*». Рецензия на

диссертацию была дана профессором из Варшавы Г. Струве. В 1890 году эта рецензия была опубликована.

В своей рецензии профессор Струве отмечал, что есть разногласия относительно предмета логики, характерные для всех философских наук, и значение монографической работы Лейкфельда в том, что он проясняет и критически осмысливает этот вопрос. С этой целью Лейкфельд и рассматривал различные направления в логике.

В этой работе Лейкфельд традиционно исходит из необходимости определения предмета и задач логики и из определения средств и способов познания вещей. Струве, анализируя работу Лейкфельда, выделяет как наиболее значимые следующие основания в его исследовании:

1) с точки зрения определения предмета:

а) формальное направление (логика как наука о правильном мышлении);

б) метафизическое направление (логика как наука об основных началах всеобщего бытия) и

в) ноэтическое направление (логика как теория познания).

Различия между этими направлениями весьма существенны и сохраняют свою значимость также для современной логики и понимания исторического формирования логики как философской дисциплины.

Формальная логика определяет условия и нормы правильности процессов или форм мышления. Но она не рассматривает вопрос о значении правильного мышления для познания вещей и не даёт гарантий объективной истинности наших мыслей, поскольку отвлекается от смысла. Следовательно, как отмечает Г. Струве, формальная логика остаётся «только в сфере субъективного согласования форм мышления между собою и исключает из своих пределов разбор отношения этих форм мышления к данным предметам знания, вообще к объективности.

Так называемая математическая логика и различные теории философского субъективизма суть в сущности только видоизменения этого формального воззрения на предмет и задачи логики» [14; 2].

Представители *метафизической логики* занимают иную позицию, в основе которой – тождество мысли и бытия. Бытие (даже самое объективное) представляет собой идею мысли. Мысль, идея составляют единственно действительное бытие, доступное для человеческого ума. Отсюда следует, что наука о мышлении является наукой о всеобщем бытии. Изучая нормы мышления, человек изучает основные законы всеобщего бытия, объективности. Метафизическая логика не обращает внимания на субъективный, индивидуальный характер мышления. Таким путём происходит полное отождествление логики и метафизики.

Ноэтическое направление определяет логику как теорию познания. Она имеет синтетический характер, объединяя субъективное и объективное начала познания. Отсюда, формальная правильность мышления – это только одно из условий истинного познания вещей. Но формальная правильность ещё не гарантирует истинности. Поэтому логика должна заниматься анализом отношения формального мышления (как средств познания) к объективному бытию (как предмету познания).

С точки зрения средств и способов познания истины различают другие направления в логике. К средствам познания относятся: интуиция (непосредственное внутреннее чувство), внешнее чувство, опыт и наведение (обобщение), разум (или логическая деятельность ума). На этом основании различаются следующие направления в логике: мистическое, сенсуалистическое, эмпирическое (индуктивное) и рациональное (дедуктивное).

Анализируя предложенный Лейкфельдом предмет, проф. Струве соглашается с таким достаточно строгим делением. Но при этом он критикует Лейкфельда в том, что он характеризует эти направления в

логике без указания оснований для выделения своих направлений (вышеуказанные основания даются Струве). Называет такой анализ грубым эмпиризмом, который заключается в случайном выборе направлений, бесосновности и несистематичности: «Вообще, сочинение г. Лейкфельда не грешит излишним формализмом и систематичностью» [14; 4]. Возможно, «излишний» формализм в исследовании как раз и не нужен, а упорядочение уже готового текста и «доведение» конструкции до своего логического конца является привычным делом любого критически настроенного оппонента. Во всяком случае, эти замечания не помешали проф. Г. Струве с одобрением продолжить дальнейший анализ текста П. Лейкфельда.

Далее Струве замечает, что Лейкфельд в своей работе ставит два весьма существенных вопроса: 1) какие основные задачи логика на самом деле преследует и 2) какие задачи она должна выполнять. По мнению Струве, хотя основную цель – исторический анализ направлений логической науки – Лейкфельд выполнил не достаточно добросовестно (хотя это зафиксировано в названии работы), но он заострил *проблему предмета логики*. Таким образом, Лейкфельда интересовали не столько проблемы исторической классификации логики, сколько логико-теоретические проблемы. Здесь исторический анализ выступает в качестве необходимого условия для решения теоретических проблем (подчинён теоретическому анализу). Возможно также, что это не «колебание между историческим и теоретическим», как пишет Струве, а совмещение двух задач в одном историко-теоретическом исследовании логики.

В качестве существенного Струве делает замечание, что в описании направлений Лейкфельд несколько смешивает ноэтическую и формальную логики, а вопросам теории познания не уделяет внимания. Как пишет Струве, вопросы теории познания для Лейкфельда почти не

существуют, что, конечно, неприемлемо для представителей западноевропейской философской мысли. Ещё Кант отличал логику как науку о правильном мышлении от настоящей критики ума (теории познания). У Лейкфельда это различие берётся априори, он не анализирует вопросы теории познания, но и на Канта при этом не ссылается. Но всё же Лейкфельд указывает, что он считает логику и теорию познания двумя разными науками (без основания в их различении).

Струве пишет, что он не понимает, что означает у Лейкфельда «формальная логика в широком смысле слова». Лейкфельд утверждает, что эта логика имеет предметом своего изучения формы, при которых мысль человека правильна не только в отношении формальном, но и по своему содержанию. С позиций современной логики в этом пункте можно выступить с оправданием точки зрения П. Лейкфельда. Успехи в развитии логического знания в современной логике действительно связывают с успехами в области формализации. Формализация, в свою очередь, даёт возможность достичь желанной для исследователя определённости в познании, как собственно мышления, так и других предметов. Она связана также и с совершенствованием языков формализации как метода логического анализа. Внимание к содержательному аспекту мысли породило интенциональную логику, которая частично использует язык формальной логики. Так, например, интенциональный контекст определяется как «такой контекст, например, $A(x)$, когда значение его зависит от значения смысла имени x . Данный контекст называется интенциональным контекстом относительно x » [9; 203]. В связи с этим, украинские логики утверждают, что основным заданием современной логики является достижение более совершенного описания тех элементов логической формы рассуждений, которые остались без внимания со стороны традиционной и классической логик.

При этом разные системы неклассических логик чётко сориентированы на определённые контексты человеческого бытия, на исследование соответствующих понятий. [15; 24]. Таким образом, философская интуиция П. Лейкфельда ввела в определённую степень зависимости логическую форму и онтологический контекст, чего не смог в силу развития логического знания на тот период оценить варшавский проф. Г. Струве.

В отзыве также отмечается широкая эрудиция и критическое мышление Лейкфельда. В частности, Струве отмечает как наиболее интересные критические рассуждения в отношении учений Канта, Бэнеке, Лотце, Рабье и др. Он согласен с Лейкфельдом в том, что Аристотель не был представителем формальной логики в узком смысле слова, т.к. у Аристотеля логика – это «органон», аналитика познания. Особенно, по мнению Струве, заслуживает внимания историко-литературная часть описания Лейкфельдом математической логики.

В целом, позитивно оценивая логические исследования П. Лейкфельда, варшавский философ обращает внимание читателя на значение логики в университетском образовании, на то, как логика способствует успешному изучению философских дисциплин. По его мнению, преподаватель философских наук «должен стремиться к возможно точному и систематическому изложению изучаемого предмета» [14; 16], и этой точности и систематичности изложения и изучения философских дисциплин способствует качественное преподавание и изучение логики.

В 1898 году была опубликована новая работа П. Лейкфельда «*Математическая формула для определения вероятности гипотез в её приложении к научным построениям*» [10], а в 1906 году – работа «*О гипотетических суждениях*» [11]. К этому времени Павел Эмилиевич

Лейкфельд был в должности экстра-ординарного профессора Харьковского университета.

В работе «Математическая формула для определения вероятности гипотез в её приложении к научным построениям» Лейкфельд продолжил свои исследования в области логики. Главной целью было рассмотрение возможности использования математической теории вероятности при построении научных гипотез. Своё исследование он соотносил с современными ему работами немецкого философа Гиллебранда, в частности, с работой «Zur Lehre von der Hypothesenbildung. Sitzungberichte der philosophisch-historischen Classe der Akademie der Wissenschaften» (Wien, 1896. Bd. CXXXIV). Однако Гиллебранд, как отмечает Лейкфельд, сосредоточил своё внимание на том, „чтобы с помощью подобного мерил взвесить правило, которое предписывает брать для объяснения явлений «veras causas»» [10; 2].

Лейкфельд исходит из того, что известное шестое лапласовское положение, которое выражается формулой

$$Q_1 = \frac{P_1 p_1}{P_1 p_1 + P_2 p_2 + P_3 p_3 + \dots + P_n p_n}$$

(где P_1, P_2, P_3 – представляют выраженную в числовой величине априорную вероятность возможных причин M_1, M_2, M_3 наблюдаемого явления или ряда явлений S , а p_1 – вероятность наступления S при наличии M_1 , p_2 – вероятность его, когда дано M_2 и т. д.) мало приложима для исследования данного вопроса. Это обусловлено тем, что не всегда можно выразить в числовой величине априорную вероятность каждой из причин $M_1, M_2, M_3 \dots$, т.к. данные о них могут быть расплывчатыми в количественном и качественном отношениях. $M_1, M_2, M_3 \dots M_n$ обычно имеют каждая свою априорную вероятность, но мы не можем установить её величину.

$p_1, p_2, p_3 \dots p_n$ – также невозможно высчитать, т.к. нет уверенности в том, что $p_1 = 1$ (это может быть, если S необходимо наступает при наличии M_1). Следовательно, в этом случае возникают те же трудности, что и с $M_1, M_2, M_3 \dots M_n$. Таким образом, делает вывод Лейкфельд, «исчисление вероятности нельзя не ограничивать по отношению к гипотезам случаями, к каким привыкли применять его математики; для оценки же научных гипотез остаётся искать в предполагаемой формуле лишь указаний общих» [10; 3].

Лейкфельд также касается вопроса о применении дедуктивных построений при построении гипотез. «Наиболее элементарный способ проверки гипотез, когда ограничиваются тем, что сравнивают дедуктивные выводы из предположения с наблюдаемыми фактами, не приводит к желанным результатам. Выводимость фактов ещё не доказывает построенной гипотезы» [10; 6]. Он спорит с Гиллебрандом, который считает априорную вероятность всякого рода «метафизических объяснений» (например, предположение относительно флогистона, которое активно обсуждалось в те годы) равной нулю, и утверждает, что все подобные гипотезы следует отвергнуть.

Лейкфельд считает, что «большая величина P_1 и p_1 всё же даёт гипотезе сравнительно видное место среди других научных предположений относительно S . Два указанные условия – наличность предположенной величины M_1 и возможность вывести из неё факты S – значительно подкрепляют научную гипотезу» [10; 7]. В дальнейшем Лейкфельд стал рассматривать возможные суждения в качестве *проектов суждений* [11].

Проф. **Фёдор Александрович Зеленогорский** работал на кафедре философии Харьковского университета с 1874 года по 1899 год, после чего был выведен за штат в звании заслуженного ординарного профессора [3; 209].

В 1877 году в Харькове была опубликована работа Ф. А. Зеленогорского «*О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства*» [5]. В этой работе он исследовал историю появления логики в ряду других наук, оценку значения логики философами интуитивной (метафизической) школы (Канта и Гегеля) и индуктивной школы (Бэкона, Догальда Стюарта, Д.-С. Милля). Отдельно подробным образом Зеленогорским были исследованы различные логические методы. *Геометрический метод* как метод элеатских мыслителей и древних геометров, происхождение первого из последнего (Платон, Декарт), важность и значение изобретения геометрического метода (синтеза и анализа) для наук вообще и философии. *Метафизический метод* изучался как происшедший из геометрического, затем обособившийся и приобретший свои основания. Здесь же исследуются и законы человеческого разума (законы тождества, противоречия, исключённого третьего и достаточного основания). В самостоятельной главе рассматривается логика Аристотеля: зависимость его логических трактатов («*Топики*», «*Первой и Второй аналитик*») от логических методов предшественников (теория родов и видов у Сократа и Платона). Затем Зеленогорским изучается творчество Бэкона как философского реформатора на основании работы «*Novum Organum*», приёмы индуктивного метода Бэкона. Рассматривается также употребление индуктивного метода в нравственных науках и достижения ближайших последователей Бэкона (Лондонского королевского общества естествоиспытателей, Бойля, Гассанди и др.). Вслед за Бэконом подробно изучается происхождение метода Декарта, его «*Discours de la méthode*». Правила метода, его психологические основания, применение. Затем – учение Гоббса о методе, преобразования схоластической логики, логика Порт-Рояля, логические учения Бернулли, Кондильяка и других

французских философов. Особое внимание уделяется «Правилам философствования» Ньютона, сходству методов Локка с методами Ньютона, учению Локка об аналогии. Формирование логического метода XVIII столетия: метод Гертли и его «Теория вибраций», метод Пристли и др. Метод французских писателей Далямба, Кондильяка, Гельвеция, Деляметри, Бонне, Лавуазье, Линнея и Жюссье. Отдельно рассматривается происхождение критического метода: учения Гоббса, Локка, Беркли, Юма. А также прирождённый индуктивный принцип по учению шотландских философов Рида, Догальда Стюарта, Броуна. Заключает работу изучение наблюдения и опыта. Зеленогорский описывает стремление к обособлению индуктивного метода от математики. Исследует значение наблюдения, эксперимента и метода исключения, даёт сравнительный анализ наблюдения и эксперимента в научных исследованиях, а также учений Гершеля и Д.-С.Милля.

В 1879 году в январском номере «Критического обозрения» была опубликована критическая статья профессора Троицкого, в которой обсуждались идеи труда Зеленогорского «О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства» (1877). В том же году Ф. Зеленогорским был опубликован «*Ответ профессору Троицкому*», где он называет свою книгу исторически исследованием по логике и высказывает несогласие с критикой.

Зеленогорский пишет опровержение, подробно отвечая на все четыре обвинения профессора Троицкого. Во-первых, критик обвинил Зеленогорского в том, что он якобы «свёл дедукцию древних философов к техническим приёмам анализа и синтеза древних геометров» [6; 3]. В ответ Зеленогорский пишет, что данная критика необоснована, т.к. в книге, напротив, метафизический метод Платона и других философов не тождественен с методом геометров: «учение о законах разума вошло, как

новый элемент, в обобщённый метод геометров и преобразовало его. Другие области знаний, в которые переносится указанный метод, давали новые элементы, под влиянием которых он ещё более преобразовывался и усложнялся. Таков ход исторического развития» [6; 3].

Второе обвинение Троицкого заключалось в том, что Зеленогорский, якобы, метод древних сводит к одной дедукции. Зеленогорский, в свою очередь, указывает профессору Троицкому на то, что он игнорирует IV главу, где идёт речь не только о дедукции, но и о немаловажных успехах описательного и индуктивного характера в естественной истории, психологии, морали и политике.

Третье обвинение Троицкого заключалось в том, что якобы Зеленогорский назвал метод древних «методом гипотез и выводов из гипотез». Троицкий отвергает гипотетический характер древнего метода и обращается к этимологии слова «гипотеза». У Платона термин *ὑπόθεσις* употребляется не в том же смысле, что и термин «гипотеза» в современной логике. У Платона – это посылки, основания, а не гипотезы. И эти основания, как в геометрии, должны быть очевидными. Следовательно, как метод диалектиков, так и метод геометров, основаны на бесспорных посылках и очевидных вещах, а не на гипотезах. Под гипотезой в современной логике понимают не бесспорные вещи, а предположения (т.е. вероятностные суждения). Хотя Троицкий оговаривается, и говорит, что «мы хотим... сказать этим, что Платонова философия вообще и её дедуктивная часть в особенности были чужды гипотетического элемента» [6; 5], но на этом и останавливается. Зеленогорский задаётся вопросом, действительно ли исключает гипотеза в современной логике элемент очевидности, присущий *ὑπόθεσις* Платона? Он отвечает на этот вопрос отрицательно, ссылаясь при этом на Джона Стюарта Милля, который был практически их современником: «так как гипотеза есть лишь предположение, то гипотезам нет других

пределов, кроме пределов человеческого воображения; для объяснения какого-либо явления мы можем, если вздумаем, вообразить какую-либо причину совершенно неизвестного рода, действующую по закону, вполне вымышленному. Но гипотезы этого рода далеко не представляли бы вероятности, какую обладают гипотезы, принадлежащие в силу аналогии по известным законам природы, и сверх того не соответствовали бы той цели, для удовлетворения которой произвольные гипотезы изобретаются, - чтобы дать воображению возможность представить тёмное явление в привычном свете. Поэтому-то в истории науки вероятно нет гипотезы, в которой бы были вымышлены как самый деятель, так и законы действия» [6; 5, 6].

Зеленогорский писал, что законы природы как вещи для нас бесспорные и очевидные, должны входить в научную гипотезу, как необходимый элемент, который сообщает ей характер вероятности. «Назовите эти законы предположениями, основаниями, посылками – и гипотезы современной логики совпадут с *ύπόθεσις* Платона. Второй элемент гипотезы – вероятность выражает отношение начала, основания к явлению, которое мы надеемся объяснить или вывести из взятого начала. Это отношение только предполагается, но не доказано. Для каждой области явлений наука устанавливает известное число начал, оснований, которое выражает в форме аксиом (у Ньютона таковы аксиомы движения и аксиомы в «Оптике») и определений. Они суть общие гипотезы для всех явлений данной области, если мы берём термин «гипотеза» в смысле Платона. Все они должны иметь ту или другую очевидность, т.е. опытную, интуитивную, демонстративную» [6; 6].

«Древние диалектики и Платон также устанавливали известные общие начала для того, чтобы из них объяснить мир с его явлениями. И у них являлось несколько таких начал. Очевидность их была по преимуществу интуитивная. В каждом частном случае для объяснения

частного явления или ряда явлений и им необходимо было делать сначала предположения, т.е. избирать из принятых начал или вещей очевидным те или другие. Образцы такого рода гипотез мы постоянно встречаем в диалогах Платона» [6; 6, 7].

Относительно геометров и философов (общности их метода) Зеленогорский писал, что многие философы называют метод геометров гипотетическим. Он цитирует Бокля: «Геометрия ... представляет наиболее совершенный образец этого логического приёма (гипотетической аргументации). Цель геометра обобщить законы пространства, другими словами – получить необходимые и общие отношения различных его частей. Так как пространство не имеет частей иначе, как только при искусственном делении, то геометр принужден принять такое деление и принимает простейшую форму – деление по линии. Линия, рассматриваемая как факт, т.е. так, как будто бы она существовала в действительности, должна иметь два свойства – длину и ширину. Как бы малы ни были они, всякая линия имеет их оба». Чтобы это объяснить, он должен допустить каждую из свойств по очереди: «Допустим, линия имеет длину (без ширины). Это на самом деле ложное суждение, но при абстрагировании (а не отрицании) это допущение принимается.

Четвёртое возражение Троицкого касалось утверждения о том, что Ньютон и Локк не внесли в свой метод никаких элементов, чуждых методу Бэкона и его ближайших последователей [6; 8]. Зеленогорский устанавливает сходство методов Декарта и Гоббса в определённых пределах: они заимствовали свой метод из одного источника независимо друг от друга. Гоббс, как считал Зеленогорский, в некоторых вещах превосходил Декарта. «Он отлично знал математику. Всё это говорит в пользу того, что Гоббс мог обойтись без заимствования у Декарта, и я не утверждаю того, что заимствование было» [6; 9]. Метод у Гоббса –

геометрический (это признаёт и Д. С. Милль, и другие). И он не был последователем Бэкона, как утверждает Троицкий. Гоббс, в частности, пишет о ближайших последователях Бэкона (членах Лондонского королевского общества естествоиспытателей: «Путь собираются, пусть делают сообщение о своих занятиях, пусть производят эксперименты; они не сделают никакого успеха, если не воспользуются при этом моими принципами» [6; 9]. «Заметьте, – пишет Зеленогорский, – что Гоббс, при всей своей дружбе к Бэкону, почти не упоминает его имени в своих сочинениях и избегает употребления термина «индукция», совершенно другое мы видим у последователей Бэкона» [6; 9].

Троицкий также выдвигал обвинение в том, что Зеленогорский не исследует, а *строит* факты истории научных методов и логических теорий (обвинение в выдумывании, создании воображаемой истории логического знания).

Зеленогорский, в свою очередь, называет подобное заявление «приговором» и замечает, что критик не только не указывает периодов исторического прогресса научных методов и логических теорий, но и критериев для их выделения. А то, что действительно было сделано в работе, Троицким было проигнорировано [6; 10].

По мнению автора, с Ньютона и Локка начинается новая эпоха в истории методов и логики. «Я продолжаю настаивать, что метод Декарта есть *дедукция из гипотез*... Далее, Декарта занимает вопрос о классификации или различении наук по принципу простоты и сложности явлений, исследуемых науками. Эта классификация наук даёт простор постановке гипотез к выводам из них.

... мне кажется, что отождествлять «вопросы» природ Бэкона с гипотезами Декарта никак нельзя. Вот этот-то *гипотетический метод* Декарта Ньютон и соединил с положительным методом Бэкона».

Если сопоставить аксиомы Ньютона относительно движения и учение о свете с «вопросами» Ньютона, то «Вопросы – это ничто иное как перенесение начал одной науки в другие по примеру Декарта. Это суть гипотеза. Ньютон восставал против метафизических и интуитивных гипотез Декарта. Отсюда можно сделать вывод, что метод Ньютона и Локка есть соединение двух методов – Бэкона и Декарта. Следовательно, с Ньютона и Локка открывается новый период в истории развития методов и логических теорий» [6; 12, 13]. Таким образом, Зеленогорский ставит вопрос об аналогии и гипотезах.

В своей работе *«О преподавании философии в университете»* [8] Зеленогорский отмечал, что формирование системы преподавания философских дисциплин в Харьковском университете проходило не просто. В частности, он писал: «Незавидное положение занимала и занимает философия в наших университетах. С введением кафедры философии по университетскому Уставу 1863 года нельзя сказать, чтобы дружелюбно встречено было это нововведение в преподавание университетских курсов. С одной стороны, явилось опасение, чтобы с кафедры не стали открыто проповедовать под той или другой формой материализм и подрывать основы религии; с другой стороны, явилась боязнь, что в лице преподавателя философии является в университет помощь преподавателю теологии. Как-бы то ни было, только по новому университетскому Уставу 1884 года преподавание философии в университете сведено было на одно лишь чтение творений Платона и Аристотеля. К счастью, это продолжалось недолго, и чтение философских курсов было восстановлено в университете. Что же полагается читать в университете по философии? Формальную логику, описательную психологию и историю философии» [8; 1]. Ситуация с преподаванием философских курсов, возникшая из идеологических опасений, на самом деле негативно влияла на просвещение людей.

Зеленогорский подчёркивает, что подобное отношение со стороны властей привело к тому, что университетское преподавание философских курсов (в том числе, логики) не могло в достаточной степени влиять на духовное развитие общества. Пожалуй, вечной проблемой составления учебных программ было соотнесение их с увлечениями интеллигентного русского общества в области философии. В этом смысле, эти увлечения не входили в программу преподавания философии в университете. С другой стороны, как отмечал Зеленогорский, преподавание философских курсов в университете велось на историко-филологическом факультете, на котором обычно училось наименьшее количество студентов (всего два-три десятка). «Понятно, - пишет Зеленогорский, - что русское интеллигентное общество оставалось, собственно говоря, без философского образования» [8; 2].

Таким образом, в связи с ограниченным изучением истории философии и совершенной неизученностью современной западноевропейской философии, а также в связи с неразвитостью соответствующей философской культуры мышления (логики), не могло развиваться и критическое отношение к западной философии и новым философским системам. «В умах наиболее развитых и научно образованных нередко можно было встретить смешение позитивизма Конта с материализмом Бюхнера и эволюционизмом Спенсера и Дарвина. Конечно, вследствие того же отсутствия философского образования так легко и быстро сменялись в публике увлечения различными философскими направлениями, появившимися в заграничной философской литературе» [8; 2]. Печально то, что пренебрежительное отношение к философской эрудиции и логике привело в результате к тому, что в Харьковском университете должной силы не смогло набрать то необходимое философское самопознание, т. е.

познание реалий российского общества, которое было так необходимо (хотя и неосознаваемо) самому обществу.

Вследствие этого, недостижимым авторитетом для Зеленогорского остаётся западноевропейский университет с его организацией философского образования. Ведь там, по словам Зеленогорского, «стремятся к тому, чтобы общие философские курсы, как-то: логика, психология, метафизика и этика читались не одним студентам историко-филологического факультета (какового там нет), а всем студентам философского факультета (Германия), в который входят кроме гуманитарных наук науки математические, механика, физика, химия, биология со всеми их отраслями и конкретными науками» [8; 3].

В советский период отношение к логике резко изменилось. Так и не найдя в системе отечественного образования достойного места, логика оттесняется в разряд второстепенных дисциплин. Многие годы логика читается только в высших партшколах и на юридических факультетах (институтах). В науке логике происходит реакция, обусловленная вмешательством советской идеологии. На Украине в 50-е годы ведутся споры относительно формальной и диалектической логики с позиций материалистической диалектики, которые практически ни к чему позитивному так и не привели. Кроме того, «под формальной логикой неизменно имелась в виду аристотелевская логика, в то время как по адресу математической логики выдвигались грубые и бессмысленные обвинения... Трудности в развитии философской науки были вызваны и теми обстоятельствами, которые сложились в области логики... Некоторые украинские авторы, как и другие советские философы, прямо декларировали «вред математической логики», как науки, представители которой не только «отбрасывают традиционную логику, логику Аристотеля», а и ведут к тому, что «разум мыслящий подменяется разумом исчисляющим»» [13; 502, 503]. В послевоенные годы логика,

согласно марксистско-ленинскому учению, развивалась в единстве с диалектикой и теорией познания в марксистской философии.

Таким образом, в истории Харьковского университета в дореволюционный период начала складываться научная традиция логических исследований. И, хотя харьковские философы высказывали неудовлетворённость относительно организации системы философского образования и места логики в ней (сравнивая отечественную систему образования с немецкой моделью, признанной в Европе), тем не менее, на кафедре философии проводились научные исследования в области логики. Главными направлениями в этой работе были: переосмысление предмета логики, исследования в области истории логики для определения тенденций развития европейской логики, анализ возможностей математизации индуктивного метода и научной гипотезы, а также различные аспекты логического знания применительно к философской методологии. К сожалению, эта традиция была насильственно прервана, так и не получив своего дальнейшего развития.

Литература.

1. Багале́й Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. – Х., 1904. – 1104 с.
2. Багале́й Д. И. Удаление профессора И. Б. Шада из Харьковского университета.- Х., 1899. – 147 с.
3. Голиков С. А. А. Ф. Зеленогорский об особенностях развития древнегреческой философии // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 474'2000. Філософські перипетії. Серія: філософія. – Х., 2000. - С. 209 – 214.
4. Голиков С. А. Возникновение университетской философии в Харькове и религиозный контекст // Вісник Харківського національного

університету ім. В. Н. Каразіна. № 547'2002. Філософські перипетії. Серія: філософія. – Х., 2002. – С. 31 – 34.

5. Зеленогорский Ф. А. О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства. – Х., 1877. – 245 с.

6. Зеленогорский Ф. Ответ профессору Троицкому. – Х., 1879. – 13 с.

7. Зеленогорский Ф. А. Ив. Г. Шад. – Х. – С. 160-169.

8. Зеленогорский Ф. А. О преподавании философии в университете. – Х., 1902. – 8 с.

9. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. Изд. 2-е, испр. – М.: Наука, 1975. – 720 с.

10. Лейкфельд П. Э. Математическая формула для определения вероятности гипотез в её приложении к научным построениям. – Х., 1898. – 7 с.

11. Лейкфельд П. Э. О гипотетических суждениях. – Х., 1906. – 25 с.

12. Лодий П. Логические наставления. – С.-Пб, 1815. – 480 с.

13. Нарис історії філософії на Україні. – К.: Наук.думка, 1966. – 656с.

14. Отзыв проф. Г.Струве о магистерской диссертации приват-доцента Императорского Харьковского Университета П. Лейкфельда «Различные направления в логике и основные задачи этой науки». – Х., 1890. – 17 с.

15. Хоменко І. В., Алексюк І. А. Основи логіки: Підручник для студентів вищих навчальних педагогічних закладів. – К.: Золоті ворота, 1996. – 256 с. – (Трансформація гуманітарної освіти в Україні).